

Страж ее сердца

Оливия Штерн

▲ПРОЛОГ

В ночи особняк напоминал скалящийся череп. Таращился провалами окон-глазниц, скрипел редкими досками-зубами на заколоченных окнах. Вокруг, запутавшись в ломаных тенях, шуршал и шелестел непомерно разросшийся сад. Старые яблони протягивали искореженные временем и ветрами ветви к холодной луне, а земля была усыпана гниющими яблоками, которые никому не были нужны. Откуда-то издалека, из Роутона, доносился надрывный собачий вой.

Сидя на толстом суку прямо над острыми пиками ограды, Алька ежилась. Если бы не знала, что особняк обитаем, не полезла бы ни за какие пряники. Слишком жутко, кровь стынет в венах, кажется, что бродят по коридорам бледные призраки и выглядывают в окна, те, что на втором этаже и не заколочены.

И, тем не менее, Алька точно знала, что особняк не пустовал. Несколько дней она только и занималась тем, что просиживала в придорожных кустах, наблюдая и делая определенные выводы. В особняке, что мрачно возвышался над старым садом в паре миль от Роукона, жил пожилой ниат и такая же пожилая ниата. Они не были богаты, если судить по протертому на локтях сюртуку мужчины и шляпе, вышедшей из моды, наверное, еще до рождения Альки. Старушка еще старалась прихорашиваться, но свежие воротнички, которые она пришивала к платью, тоже были безнадежно стары – собственно, как и их хозяйка. За особняком они почти не ухаживали, почему-то держали окна внизу заколоченными. Ниата в саду, где позволяло место, разбила небольшую грядку, и растила там капусту и морковь. Собственно, уже и урожай собрала. Осень ведь.

Алька и сама не знала, на кой ей сдался особняк. Да и совесть неприятно царапала под грудиной, цепляя тонким когтем чувствительную струну.

Впрочем, Алька не собирается пускать стариков по миру. Возьмет совсем немного, может быть, несколько серебряных ложек. На вырученные деньги они с Тибом спокойно перезимуют – ну, если будут очень скромно жить. А еще Тиб часто просил пряник, вон тот, какой мама часто покупала. Алька же не могла купить Тибу пряник в виде скачущего конька, отчего чувствовала себя последней дрянью. Обещала ведь, что будет заботиться о малыше. А получалось плохо.

Вот так и оказалась она ночью рядом с особняком. Сидя на толстом суку над острыми пиками чугунной ограды, Алька слушала ночь. Наверное, старики легли спать. А собак они не держали. Поразительная беспечность. И у нее все получится, как и в предыдущие разы, как и в других домах. Алька была тощей и легкой, так что могла без особых

затруднений пролезть и в приоткрытое окно, и забраться по заросшей плющом стене. Последнее, как она подозревала, было наследием двуликости. Даже печать Надзора не вытравила из нее сущность проклятых крагхов. Да-да, тех самых, что жили за Пеленой и время от времени нападали, похищая и мужчин, и женщин. Альке не повезло родиться двуликой. Да ей вообще мало в чем повезло.

Впрочем, можно сколько угодно сидеть на ветке и размышлять о несправедливости судьбы. Денег от этого не прибавлялось. И Алька решила: аккуратно перебралась внутрь ограды, повисла на руках и неслышно спрыгнула на землю. Под башмаком сочно хрустнуло раздавленное яблоко.

Она замерла, все еще прислушиваясь. Пахло сыростью, землей, яблоками.

Не верилось, что все будет так просто.

Старики не держали собак, но это вовсе не значило, что они не пользуются иными охранными средствами. Гильдия артефакторов торговала недорогими артефактами на все случаи жизни, и Алька даже купила один такой, от грудной лихорадки, повесила на шею Тибу. Обещала вырастить мальчика, значит вырастит.

Она крадучись двинулась к дому, обходя его, выискивая черный ход. Сбоку одно из окон

тускло светилось, наверняка там и была спальня стариков. Алька вздохнула.

Несколько

серебряных ложек – и она уйдет. Если бы не Тиб, все было бы куда проще. И ей легче.

Хотя не факт. Тогда бы она все равно стала перед выбором – воровать или продавать

себя. А на работу тех, кто с печатями Надзора, не брали. Двуликих в Роутоне терпели, но

▲при этом тихо ненавидели, шипели вслед "крагхово отродье". Хотя, если разобратся,

двуликие не были полукровками. Это просыпалось... само. Внезапно. У людей, которые не имели никакого отношения к тварям из-за Пелены.

Дверь черного хода оказалась заперта, но Альку это не смутило. На втором этаже она

увидела, что оконная рама чуть приподнята. Образовалась щель, в которую Алька могла

протиснуться, а там... главное, не заплутать в чужом большом доме. Она похрустела пальцами, разминая их, подошла к стене и привычно-ловко, цепляясь как муха за малейшие неровности в старой стене, забралась к окну. Снова прислушалась. На ветру

поскрипывало, шелестело, шуршало. Альке почудились голоса где-то в доме, она осторожно заглянула в окно – но там была крошечная темнота. Ни души, ни огонечка. Девушка выдохнула, подтянулась на руках и все так же неслышно вползла в окно, уперлась ладонями в пыльный пол, затем спустила ноги и тут же собралась в комок, готовая к немедленному бегству.

Ничего.

Пахнет пылью, сыростью, заброшенным домом.

Сидя на корточках, Алька с интересом рассматривала обстановку комнаты, в которой оказалась. Ну а что, комната как комната. Мебель в тканевых чехлах. Люстра на потолке

тоже обмотана тюлем, с нее в лунном свете еще и свисают космы пыльной паутины.

Алька поднялась, распрямила спину. Угадав под чехлом шкаф, она подошла, сдернула ткань и не сдержала разочарованного вздоха. Книги. Всего лишь книги. К сожалению, их

продать куда сложнее, чем серебро. Но – взяла на заметку. Если ничего не найдет, вернется и заберет пару томиков. В другом шкафу оказался фарфоровый сервиз, он светился молочной белизной в потемках, но все равно казался вещь бесполезной. Понятное дело, что есть все шансы до Роутона донести черепки.

В этот миг что-то звонко щелкнуло за стеной, Алька скользнула к окну, застыла, обливаясь холодным потом... Но нет. Снова дом окутала сонная тишина.

И тогда она решилась. Неслышно подобралась к двери, повернула ручку – оказалось незаперто. И Алька, забыв как дышать, приоткрыла дверь, ведущую из комнаты в коридор.

Там было темно. И тихо. И пусто.

И старая, истертая до дыр ковровая дорожка под ногами. Лунный свет, сочащийся сквозь окно, выхватывал блеклое пятно на полу, а дальше – снова чернильный мрак.

Алька, облизывая пересохшие от волнения губы, сделала шаг. Еще один. Наверное, нужно было вернуться, взять две или три книги, и попытаться их перепродать букинисту с площади Победы Порядка. Но как будто что-то тянуло вперед. Глупость, не иначе.

Девушка подошла к соседней двери, осторожно толкнула ее, мягко выкручивая ручку. Дверь поддавалась с тихим скрипом, в лицо дохнуло гарью.

"Странно", – подумала Алька, проскальзывая в щель и пытаясь одновременно оглядеться.

Печать Святого Надзора внезапно зачесалась так, как чесалась много лет назад, заживая. Девушка не выдержала и поскребла ногтями рубец, что сразу под левым глазом, на щеки. Святой Надзор – он такой, не забалуешь. И одновременно с этим

взгляд зацепился за темный силуэт на фоне окна. Высокий, плечистый...

Все внутри резко сжалось в комок и ухнуло в ледяную бездну.

Воздух внезапно застрял в горле, словно песок.

Алька подалась назад, к спасительной двери... Как, как она могла не заметить, что в комнате кто-то был? И запах этот, гарь... откуда? Портал, всего лишь портал. Этого человека не было в комнате, когда она лезла в дом. Он пришел только что...

Тело перестало слушаться. От печати внутри черепа ввинтилась едкая боль, лишаящая

сил, выбивающая слезы из глаз. Боль нарастала, уши заложило, Алька неуклюже грохнулась всем телом о пол, и поняла, что ее сейчас... будут бить.

Или даже просто убивать.

Но Тиб? Как же он?

Извиваясь червяком и ничего перед собой не видя, кроме мельтешающего кровавого марева, она на локтях ползла к двери.

Сипло вскрикнула, когда на шею опустилась жесткая подошва, безжалостно придавив к

полу. Тот, кто это делал, получал явное удовольствие от мучений неудавшейся воровки.

"Тиб. Как же он", – колотилось в висках.

И Алька не выдержала, жалобно захныкала, царапая ногтями пол.

Как же больно. И проклятая печать, не отпускает, корешками разрывает мозг, натягивает пламенеющую сетку...

– Какая прелесть, – наконец прозвучало сверху, – двулика в моем доме. Главное, знать, когда вернуться.

Слепая, беспощадная сила смяла Альку, словно лист бумаги. Ее ломало, скручивало так, что, казалось, кости выскакивают из суставов. Наверное, она кричала. А потом все резко

закончилось, кто-то взял ее – и с размаху макнул в непроглядное ничто.

▲ГЛАВА 1. Приор Роутона

Лучи восходящего солнца падали косыми снопами сквозь чистое, явно вымытое накануне окно, и золотили лысую макушку судьи. Он был немолод и не привык просыпаться рано, а потому был крайне раздражен и недоволен, когда его разбудил очень настойчивый посетитель. При виде приказа с печатью самого Магистра Надзора,

однако, попытался, засунул свое недовольство куда подальше, и теперь просто сидел за

столом, вяло всматриваясь в вязь золотых букв, время от времени поглядывая на того,

кто, собственно, сдернул с мягкой кровати и заставил тащиться в городскую тюрьму.

Кто способен на подобное?

Только приор Святого Надзора, ночью прибывший в Роутон. На место своей службы.

– Так чего вы хотите, ниат Эльдор? – наконец буркнул судья, – конечно же, я поздравляю вас со столь высоким назначением, мы, олицетворение правосудия, всегда

жили мирно со Святым Надзором, но... я не совсем понимаю... мм... в чем, собственно,

вопрос.

Мариус откинулся на жесткую спинку стула, прищурился на судью. В груди клокотала злость, и не будь судья столь уважаемым и убеленным сединами, уже выплюнул бы пару зубов. Нет, прав, бесконечно прав был Магистр: Роутон погряз в ереси, потворствует преступлениям, творимым двуликими. Разберись, Мариус, в чем там дело. Твари из-за Пелены и двуликие отродья не должны вызывать ни жалости, ни сочувствия. Но Пастырь с крагхами, не должно быть снисхождения к тем, кого коснулось проклятье Двуликости. От этого все беды: мы не видим в человеке чудовища.

— Что тут может быть непонятного? — хмурясь, поинтересовался Мариус, — я поймал в собственном доме воровку, которая оказалась двуликой. Я мог бы казнить ее на месте, но, поскольку светские власти Роутона — как мне сказали — всегда сотрудничали с Надзором, решил отдать ее вам. В соответствии с уложением пятисотого года от Великого Раздела, вора́м положено рубить руку. В соответствии с поправкой Надзора, всякое наказание удваивается для двуликих. Соответственно, эта дрянь должна лишиться обеих рук.

Судья посмотрел на него исподлобья так, как смотрят на душевнобольных.

— Послушайте, ниат Эльдор. Здесь ключевой момент — воровка. Эта девушка что-то украла? Нет. Вы просто застали ее в своем доме. При ней вы не нашли ничего, что могло бы принадлежать вам.

— То есть, вы не желаете сотрудничать со Святым Надзором, — все еще шурясь, уточнил Мариус, — весьма прискорбно. Мне придется сообщить об инциденте Магистру.

Судья ощутимо вздрогнул и поежился, как будто стал меньше. Магистр... с Магистром Надзора никто не хотел связываться. Никто. Даже Его Королевское Величество.

— И не жаль вам ее? — неожиданно спросил он, не глядя в глаза, — отрубить обе руки значит обречь на смерть, мучительную и голодную. Не проще ли сразу голову?

Мариус пожал плечами.

— Все в рамках законодательства, судья Брисс. Голову рубят за другое, и вам это известно. И — нет. Не жалко. Само существование двуликих ставит под угрозу существование земель Порядка, вы ведь знаете об этом. Там, где двуликих много, обязательно рано или поздно появится прорыв Пелены. А там где прорыв — там взбесившиеся крагхи и рой. Вам доводилось видеть хоть раз, что такое нападение крагхов? Настоящее нападение? Не то, когда они утаскивают к себе девок, а когда просто хотят крови? — он сделал паузу, выжидая, когда же судья поднимет взгляд. Но мужчина сидел, съежившись, и нарочито-увлеченно рассматривал столешницу. А утреннее солнце плясало, искрилось на гладкой лысине. Мариус скрипнул зубами. В

груди стало горячо, еще немного, и с рук сорвутся огненные плети, переполосуют этого жалкого мужичонку, который только и умеет, что отсиживаться за спинами стражей, да еще жалеет двуликих.

▲— Я сомневаюсь в том, что вы видели что-либо подобное, — наконец просипел он, — если бы вы видели хотя бы десятую долю из того, что довелось повидать мне, то не задавали бы сейчас глупых вопросов, а позвали бы палача и выполнили свой долг. Магистр... предупреждал меня, что ересь овладела Роутоном. И я здесь для того, чтобы вернуть заблудшие умы на верный путь.

Судья наконец поднял взгляд, и Мариус понял, что победил. Сломал этого жалкого старика. Заставил бояться.

— Хорошо, — голос Брисса дрогнул. — хорошо, ваша воля, приор.

И потянулся к шнуру, уходящему вверх, в отверстие в стене. Дернул несколько раз, прежде чем в дверь ввалился небритый детина в мундире нараспашку.

— Вильс, приведи... двуликую.

И, тяжело глянув на Мариуса, добавил:

— Я оглашу приговор в вашем присутствии, чтобы у Святого Надзора не возникло вопросов.

Он что, посмел иронизировать?

Мариус холодно улыбнулся в ответ. Ничего, пусть. Раз уж его определили в эту дыру приором, он сделает все, чтобы в головах роутонцев возникали только правильные мысли. Надо будет запросить с десятков стражей, чтобы воспитательная работа шла веселее.

Девку притащили быстро. Мариус только мельком глянул — мелкая, тощая. Даже не так.

Истощенная. Лицо под спутанными волосами белое как мел, исчеркано кровавыми дорожками. Ну а то. Мариус знал, как магия печати действует на двуликих. Хорошо еще,

что собственной кровью не захлебнулась. Губы синие, дрожат. И запястья в наручниках,

а пальцы худые, грязные. Птичьи лапы, а не руки. Вообще, он бы никогда не подумал,

что это особь женского пола. На вид — забитый пацан лет пятнадцати. Только вот чутье

страха, привитое в Надзоре, сразу дало понять — девка. В латаных штанах, грязной рубахе и порванной жилетке. Но девка.

Судья Брисс поднялся, обежал взглядом присутствующих.

— Назовите себя, фье.

Воцарилось короткое молчание. А Мариус... внезапно почувствовал на себе взгляд двуликой. Ему не хотелось оборачиваться, не хотелось марать себя, глядя на тварь, но...

все же обернулся. У нее были большие блестящие глаза, темно-серые, как графит. И чернильная печать Надзора на всю левую щеку, вязь священных символов, дающих власть над тварями двуликими.

Мариусу очень не понравился ее взгляд. Так смотрят на тараканов. Или на крыс.

– Фье? – подал голос судья.

– Алайна Ритц, – выдохнула девка.

– Фье Ритц, ниат Эльдор обвиняет вас в том, что вы забрались в его дом с намерением совершить кражу. Это... так?

Она, наверное, понимала, что отпираться бесполезно, и уронила голову на грудь. Мариус поморщился. Ему уже хотелось поскорее покончить со всем этим, вернуться в особняк и, наконец, заняться делами хозяйственными. За долгое время его отсутствия дом запустили, но сердиться на двух стариков он просто не мог. Все придется все делать самому.

– Так, – наконец ответила двулика.

Брисс пожал плечами и медленно поднялся.

– Тогда в соответствии с ныне действующим законодательством и поправками Святого ♠Надзора вы приговариваетесь к отсечению обеих рук до локтя. Приговор будет приведен в исполнение вечером на закате.

Мариус дернул бровью. Совершенно непонятно, к чему время тянуть? Но промолчал. Пастырь с ним, с судьей. А порядок в Роутоне он наведет. Магистр не будет разочарован.

– Обеих рук? – повторила девица, словно во сне, – но... это же...

"Смерть, – удовлетворенно произнес про себя Мариус, – одним двуликим меньше".

Он снова, сам того не желая, поймал ее взгляд – взгляд зверька, которого загнали в угол и которому совершенно нечего терять. Наверное, если бы не печать, то перекинулась бы сейчас, исполосовала всех когтями, искрошила, измолочила... Но печать Надзора – великая вещь. Тянет силу из двуликих, напивает Око Порядка, и только благодаря этому еще не прорвалась Пелена. Так говорил Магистр, и у Мариуса не было повода усомниться.

Девка вдруг рванула вперед, Вильс не успел ее схватить.

Рванула — и бухнулась на колени перед Мариусом, вцепилась своими птичьими руками ему в штанину. Залопотала, заглядывая в лицо.

— Благородный ниат. Прошу... я знаю, вы хороший человек... заберите моего брата, отдайте в приют... я его заперла, он погибнет. Горчичный проулок, три.

От прикосновения двуликой его передернуло. Он невольно подался назад, резко поднимаясь на ноги. Стул с грохотом опрокинулся.

— Уведите, — прикрикнул на судью, — иначе...

— Да ей-то уже все равно, — холодно ответил Брисс, — в самом деле, уведите, Вильс.

Мариус не без труда отодрал от себя костлявые руки, отшвырнул девку — ее поймал все тот же Вильс.

— Благородный ниат, — она уже вопила во все горло, — спасите, умоляю. Он... просто человек, вы не можете отвернуться от человека, Пастырь покарает.

И уже из-за двери донеслось хриплое:

— Горчичный переулок, три. Его зовут... Тиберик.

Дверь лязгнула замком, и с притолоки посыпалась белая труха. Мариус вздохнул, поборол желание отряхнуть штаны после того, как за них цеплялась двуликая тварь, затем поднял стул. Судья Брисс с любопытством смотрел на него, положив двойной подбородок на сцепленные пальцы рук.

— Вы довольны, ниат Эльдор?

— Вполне.

— Можно вопрос?

— Извольте.

Он снова уселся на стул, положил ногу на ногу, рассматривая носок начищенного сапога.

— Почему вы так ненавидите двуликих, м? Они ведь и пользу приносят. Вроде как напоят этот ваш... Око Порядка.

— Я уже объяснил. Слишком много двуликих — прорыв Пелены. С той стороны. Рой и крагхи. Рой, судья. Когда катится рой, позади остаются куски мяса. Недоеденные куски, понимаете? К тому же двуликость — это еще хуже, чем крагх. Потому что мы видим в чудовище человека...

— И не видим в человеке чудовище, — вздохнул судья, — я понял вас, приор. А теперь

▲прошу прощения, если у вас нет больше ко мне дел, то я бы...

– Разумеется.

Мариус знал, когда лучшее время уйти.

И потом, его ждал заброшенный дом. Робин и Марго, которые знали его еще мальчиком.

И Ровена. Наверняка ей донесут, что муженек-неудачник вернулся. И пусть бы это случилось как можно позже.

Выйдя из тюрьмы, Мариус несколько минут постоял на площади, вдыхая полной грудью.

Осенний Роутон был хорош: вот дворник неторопливо шорхает метлой по мостовой, вот

парень куда-то покатил тачку с овощами. Клены, высаженные по краю площади, начали

желтеть, за ними белеет высокий шпиль городского управления. А если посмотреть за

ломаную кромку городских крыш, то виден редкий белый дымок хлопковых мануфактур, а чуть дальше – тяжелые клубы черного дыма литейной мануфактуры. Но сюда, к центру Роутона, дым не несло. Роза ветров была такова, что все уносило прочь от города,

и потому – по-осеннему бодрящий, прозрачный воздух.

Нет, Роутон, конечно, не столица.

Но и не совсем дыра, видали и похуже.

А помимо прочего, Роутон был его родным городом. Здесь родился Мариус Эльдор, здесь

он потерял родителей, здесь его нашел Магистр... и здесь же его угораздило жениться.

Потоптавшись на площади, Мариус неторопливо пошел в сторону роутонского отдела Надзора. Все же не зря магистр озаботился тем, чтобы у этих земель появился приор.

Пелена проступала здесь слишком близко, первый пузырь вздулся всего-то в десяти милях от города. Пока что... Держалась радужная мембрана. Но ежели и дальше будет прибывать двуликих, очень даже возможен прорыв, и тогда... Не совсем, правда, понятно, что придется делать с двуликими. Иногда они просто такими рождались, ведь

способность оборачиваться крагхами была проклятием последней магической войны. Убивать их? Вроде бы не совсем правильно. Пытаться рассредоточить по землям, чтоб не

образовалось центра притяжения Пелены?хлопотно, но вдруг это единственный способ?

Хотя он бы их истребил, этих двуликих. Потому что – чудовища. Крагхи, прячущиеся под вполне человеческой личиной.

Мысли провернулись в направлении последнего сражения с роем. Неведомо как, но крагхи растили таких тварей, что человеческий рассудок был просто не в состоянии переварить виденное. Бронированные богомолы размером с дом, щупальца с крючьями,

которые так же легко вспарывают стальную броню, как нож — размякшее на солнце масло. Или вот многоножки, тоже хороши. И ничем не пробить костяные пластины, кроме магии. А сами крагхи — смех да и только. Почти что птички, когтистые птички в самых настоящих перьях. С крыльями.

"Ну, ничего, мы еще поборемся", — раздраженно думал приор Роутона.

Он сделает все возможное и невозможное, чтобы оградить город от прорыва. И пусть для этого придется истребить всех двуликих, что здесь поселились. Горожане просто не представляют себе, что такое прорыв, и что такое рой, и вот отсюда все эти стенания о милосердии и жалости. Они просто не видели.

Мариус шагал по утреннему Роутону, и с каждым шагом настроение улучшалось. Он понимал, что вправить мозги местным будет нелегко — но он тоже не абы кто. Приор Святого Надзора. Он побеседует с местными жрецами Пастыря, вот откуда надо начинать плясать. Содержимое голов горожан почти полностью зависит от содержимого проповедей.

Остановился перед открывшейся булочной, там как раз хозяин водружал на прилавок корзину свежих рогаликов, присыпанных сахарной пудрой. Можно было порадовать своих стариков. Мариус толкнул дверь, с удовольствием вслушиваясь в звон колокольчика, потянул носом божественный аромат выпечки. Хозяин профессионально улыбнулся.

♣— Доброго утра, ниат. Отведаете моих рогаликов с яблочным повидлом?

— Заверните десяток, — и Мариус полез в кошелек за деньгами.

Став приором, он мог вообще не задумываться о тратах. Наверное, теперь бы Ровена его оценила, но, но... не нужно уже. Прошло и перегорело.

Из пекарни он выходил, прижимая к себе теплый пухлый пакет из хрустящей бумаги. Теперь можно было заглянуть на службу, в местный Надзор, а потом все же взять повозку и поехать домой. Но тогда рогалики остынут, а холодный и зачерствевший рогалик — совсем уж не то. Так что Надзор никуда не денется. А Марго и Робин дождутся свежую выпечку.

Приняв решение, Мариус заторопился к углу площади, где собирались извозчики. Проходя мимо узкого переулочка, откуда повеяло сыростью и помоями, внезапно прочел на табличке: "Горчичный проулок". И остановился.

Что там вопила та дрянь двуликая?

Горчичный проулок, три. Пастырь не простит. Он человек.

Разве может быть у двуликой брат человеком?

Мариус хмыкнул, и уже было двинулся дальше. А перед глазами совершенно некстати всплыло перекошенное бледное лицо той девки, которой к вечеру отрубят руки. Она не

лгала. Так нельзя лгать. И даже не за себя просила, не умоляла оставить ей ее тощие грязные руки.

Как его там зовут, того брата? Тиб... Тиберий? Нет, Тиберик.

Он вздохнул и свернул-таки в проулок.

Дома здесь напоминали узкие полки в архивах Надзора. Некрашенные, старые, кое-где подгнившие. Окна завешены пыльными тряпками. Мариус много раз хаживал мимо этого проулка, но никогда не обращал внимания, что почти в центре города такая вот

червоточина. Поискал взглядом цифру "три" на облупившейся и утратившей цвет двери.

Крошечное оконце с — о, чудо, — старательно вымытым стеклом и веселенькой синей занавеской.

Ну что ж, поглядим.

Мариус решительно постучался. С той стороны была ожидаемая тишина.

Он даже улыбнулся. Зачем врала? Плела какую-то чушь про брата, запертого в доме? Надеюсь выторговать помилование?

— Кто там? — раздалось едва слышное.

Улыбка так и застыла на губах. Все же правда...

— Это ты Тиберик? — громко спросил Мариус.

— Я, — донеслось из-за двери, — а вы... кто?

— Откроешь мне?

— Нет. — Голосок был тоненький, ломкий, — Алечка меня вечером заперла и ушла. И до сих пор не вернулась.

"И вряд ли уже вернется".

Никто не будет с ней возиться, отрубив руки. Тут либо родня должна лекаря привести, либо сам вор найти в себе силы перевязать раны. Двулика же, скорее всего, быстро умрет от боли и кровопотери.

— Кто это, Алечка? — все же спросил Мариус.

♣— Сестричка.

— Открой, — выдохнул устало, — она вряд ли вернется.

— Я же сказал, не могу. Дверь заперта, — и всхлипнул.

— Тогда отойди подальше, — этот детский всхлип отчего-то резанул по нервам.

Мариус выждал, а потом высадил хлипкую дверь ударом ноги. И застыл на пороге.

Нет, он, конечно, много повидал за тридцать лет своей жизни. Но, пожалуй, впервые столкнулся с такой чистой и опрятной нищетой.

Комнатка была крошечной. Мебель отсутствовала. В углу лежал соломенный тюфяк, образцово-аккуратно застеленный старым одеялом. В другом углу стопочкой стояли несколько тарелок и одна большая кружка. А на узком подоконнике, крагхов хвост, красовалась маленькая вазочка с белой розой.

И посреди этого нищенского великолепия стоял мальчик лет пяти, одетый тепло и аккуратно, в потрепанных, но целых башмачках, в чистой рубашке и курточке.

Одежда

мальчика выглядела куда лучше, чем лохмотья той двуликой.

Но самым главным было то, что малыша не коснулось проклятье двуликости. Девка не соврала.

Тиберик поднял на Мариуса глубокие, огромные, как плошки, глаза, и спросил:

– Дядя, а вы кто? Алечкин друг?

Мариуса передернуло. И, глядя в чистые детские глаза, он не смог соврать – а видел

самого себя, маленького, беззащитного, как сидел, съежившись, под столом, и смотрел, как одна за другой на пол плюхаются тяжелые темно-вишневые капли.

– Н-нет, не друг. Но... а где твои мама и папа?

Малыш пожал плечами.

– У Небесного Пастыря.

– А почему они ушли?

– Я не знаю. Не видел.

– Так вы здесь вдвоем жили?

– Да-а, – малыш задумчиво посмотрел на выбитую дверь, затем снова на Мариуса, – Алечка вернется, рассердится. Хозяйка будет ругаться. Вредная. А Алечка говорит, что у нас слишком мало денег.

– Идем со мной, – слова вылетели быстрее, чем приор Роутона успел их как следует обдумать.

А перед глазами – одна за другой падают на пол крупные густые капли. Падают и разбиваются с противным шлепающим звуком. И где-то там мама и папа, и почему-то жуткая тишина вокруг. Тяжелая скатерть шевелится, приподнимается, и на Мариуса смотрит черноглазый и черноволосый мужчина. Пойдем со мной, малыш.

– Я не пойду без Алечки, – замотал головой Тиберик, – она не разрешает.

– Идем, – повторил Мариус, уже вполне осознанно, – я отведу тебя к себе. У меня большой дом, куда лучший, чем этот.

– А как же...

– Идем. Хочешь вот, рогалик?

Нырнув рукой в пакет, Мариус достал присыпанное сахарной пудрой чудо и протянул малышу. Трудно побороть такой соблазн, когда громко урчит в животе.

– Половинку, – серьезно сказал малыш, – а половинку Алечке.

– Ты всегда с сестрой делишься? А она с тобой?

– Она не делится, – грустно сказал Тиберик, – она просто свое мне отдает. Даже когда очень голодная.

– Идем, – Мариус решительно взял малыша за руку.

Оттого, какими слабыми и худенькими были пальчики, ощутил почему-то укол совести.

Значит, они жили здесь, маленький человечек и двулика, которая жертвовала всем ради него. Почему? Вот вопрос.

– А как же Алечка, – сердито буркнул малыш.

Мариус стиснул челюсти. Он мог бы рывкнуть, сказать, что свою Алечку Тиберик никогда уже не увидит, но... почему-то не стал.

Перед глазами все еще плясали кровавые капли, тяжелые, крупные, словно ягоды спелой малины. Мариус понятия не имел, что скажет Марго, что скажет Робин... Впрочем, он был хозяином особняка, и мог вытворять все, что вздумается. Хоть крагха в клетке притащить.

– Пойдем, пожалуйста. Ешь свой рогалик, Тиб... Можно тебя так называть?

– Можно, – важно ответил мальчик и откусил от рогалика, – а где твой дом?

...Дом. Только крышу и видно из-за старых яблонь, чуть тронутых дыханием осени. Солнце в зените, играет на деревянной черепице словно на чешуе мифического дракона.

Мариус не был дома лет семь, а то и больше. Теперь надо все приводить порядок, нанять,

в конце концов мастеров, несколько молодых служанок в помощь Марго. Когда слух о том, что в Роутон прибыл новый приор Надзора, покатится по городу, наверняка потянутся с визитами... и наверняка Ровена узнает. Придет ли? Возможно да, а возможно и нет. С чего бы ей, если даже ребенка вытравила. В самом деле, зачем ей

ребенок от неудачника, от стража. Но ребенок от приора – совсем другое дело.

Мариус поймал себя на том, что мысли заворачивают в самом нежеланном направлении.

Ровена... Небось, вышла второй раз замуж за кого-нибудь из удачливых торговцев. Небось, вокруг нее уже орава ребятни и обязательная нянька, Ровена не из тех, что

будет марать руки о пеленки. Да и вообще... не надо было им тогда жениться, ошибкой это было.

Он посмотрел на малыша, сидящего напротив. Когда открытый экипаж подкидывало на ухабах, Тиберик тоже подпрыгивал на скамье, таким легким был. Зачем вот ему мальчик? Вместо неслучившегося своего? Или подачка для собственной совести, чтоб проглотила и головы не поднимала?

Мариус и сам не знал. Но почему-то тащил к себе в неухоженный дом ребенка. Можно было бы еще понять, если бы хотел подготовить его для службы Надзору... но нет. Мариус совершенно не желал мальчишке своей судьбы и никогда бы не поступил так подло, как нынешний Магистр. Не спросив согласия, начав накачивать ребенка вытяжкой из Пелены, тем самым превращая человека в Стража Надзора.

Он поймал на себе задумчивый взгляд мальчика, поманил к себе. Поймал тонкую руку, развернул к себе спиной и указал на тускло блестящую крышу.

– Вон мой дом, Тиб. Почти приехали.

Малыш восхищенно выдохнул.

– А вы один там живете? А мы Алечку к себе возьмем?

Мариус промолчал. Потом сказал:

▲— Там, кроме меня, живут еще Марго и Робин. Марго тебе понравится, обязательно.

Последние полчаса дороги они проделали уже через деревенское поле. Пахло разогретой на солнце землей, высоко в небе кружил ястреб.

– Ты помнишь своих родителей? – спросил Мариус, – давно они ушли к Пастырю?

Тиберик нахмурился.

– Аля говорила, что мы с ней год уже сами.

– Кто были твои родители, можешь сказать? Фамилию знаешь свою?

– Ритц. Мама... Виллара, папа Фредерик.

– А чем они занимались?

– Я не знаю, – выдохнул малыш, – но у нас в доме всегда было много книг. Очень много. И большие, и маленькие, и тонкие и – во-от такие...

– Как так получилось, что вы оказались на улице? – пробормотал Мариус.

Но то уже скорее самому себе.

Святой Надзор мог присвоить имущество двуликого, но только в том случае, когда двуликий намеренно избегал запечатывания проклятия. Здесь же выходило, что мать и отец Тиберика погибли, а имущество... непонятно куда делось. И ребенок за компанию с двуликой оказался выброшен на улицу.

Мариус вздохнул, все еще придерживая за плечо малыша рядом с собой. Придется заглянуть в архивы местного отделения Надзора и поинтересоваться, что там случилось с семейством Ритц, откуда в нем опечатанная Двулика, и почему Тиберика выбросили на улицу.

Повозка остановилась.

– Приехали, ниат, – прокаркал возница.

– Жди здесь. Я вернусь в Роутон.

Спрыгнул на землю, потом взял под мышки Тиберика и аккуратно поставил его рядом с собой. Вот так, крепко держа за руку, довел до калитки. Петли скрипели просто невыносимо, чугунные завитки давно следовало покрасить, но Робин ничего толком не делал. Возможно, уже и не ждал, что хозяин когда-либо вернется.

– А можно мне яблоко? – тихо спросил малыш, – вон их сколько валяется...

– Марго тебе даст яблоко. Не с земли, не гнилое, а большое и красивое.

Тиберик вздохнул и умолк, как будто о чем-то размышляя.

Так они по заросшей дорожке дошли до крыльца, поднялись по ступеням, и Мариус решительно дернул на себя створку высокой и совершенно разошедшейся двери. Ночью, когда выволакивал из дома двуликую, как-то не было времени рассматривать собственное жилище, зато теперь – вот тебе, пожалуйста, последствия столь долгого отсутствия. Если в доме нет хозяина, дом начинает ветшать. В холле солнечный свет путался в лохмотьях паутины, свисающей с потолка. Можно, конечно, ткнуть в эту паутину Марго, но нянька слишком стара, ночью вот снова за сердце хваталась, все лепетала – куда вы, куда вы, ниат, эту девушку тащите, сжальтесь. Крагха он должен жалеть кого-либо. Двуликие тогда не пожалели ни мать, ни отца.

И ступени, ведущие наверх, пылью заросли. Правда, было видно, что Робин периодически прохаживается по ним метлой. Прямо дорожку посередине вымел.

– Как тут грязно, – озадаченно прокомментировал Тиберик, – если вы здесь живете,

почему никогда не прибирались? Вот Аля...

▲— Помолчи, — хмуро оборвал его Мариус, — я тебя сейчас оставлю своей няньке, Марго, а сам вернусь в город. Надеюсь, у тебя хватит ума никуда не убежать? Сгинешь сам. Не выживешь.

— Хорошо, — Тиберик поднял лицо, и забавно сморщился, — я не буду убежать.

Они добрались до комнаты, где раньше всегда по вечерам собиралась прислуга. Там, у камина, сидела в кресле-качалке Марго и что-то вязала. Пушистый котенок трогал лапкой клубок.

— Марго, — позвал Мариус, все еще крепко сжимая детскую ладошку.

Женщина всполошилась, отложила в сторону рукоделие и вскочила с кресла, наверное, слишком резко — тут же охнула и невольно схватилась за поясницу. Вот она, старость. Всегда что-нибудь болит, не сердце, так спина, не спина так ноги.

— Ниат Эльдор. Ох, слава Пастырю... А я уж заждалась вас, пирожков напекла, таких, как вы любили, с яблоками...

И осеклась, уставившись на Тиберика. А Мариус молча рассматривал ее и с тоской думал о том, что жизнь его нянюшки стремительно катится к завершению. Как быстро.

И как мало отпущено простому человеку. Ему очень не нравился восковой цвет морщинистого лица Марго, это было слишком хорошо видно, когда она убрала волосы под белоснежный чепец. По-хорошему, надо позвать лекаря, но... Еще никто и никого не исцелил от такой напасти как старость.

— Вот, — сказал он, отпуская наконец детскую руку, — это Тиберик Ритц. Теперь будет жить с нами. Накорми его и обустрой как-нибудь ему комнату. Там, где комнаты прислуги.

Марго всплеснула руками.

— Ох, ниат Эльдор... Да где ж вы... — и, словно вспомнив что-то, посмотрела особенно пристально, — а что с девушкой?

Мариус коротко пожал плечами.

— В тюрьме. Получит, что ей причитается.

Доброе лицо Марго вытянулось, а взгляд вдруг потух. И, не глядя больше на Мариуса, она засеменила к Тиберику, протянула ему руку.

— Ну, малыш, пойдем? Меня зовут тетя Марго. Пойдем на кухню, там есть бульон и пирожки. Ты же, наверное, голодный?

Мариус вспомнил вдруг про пакет с рогаликами, хотел вручить его няньке, но та почему-то демонстративно отвернулась и повела мальчика прочь. Мариус огляделся, сгрузил рогалики на стол. Ну вот и пойми этих женщин. А ведь хотел, как лучше. Что она там себе надумала? Нет, ну в самом деле, не могла же она решить, что он отпустит мало того, что воровку, так еще и двуликую?

— И все им не так, — буркнул себе под нос, — так я еще и виноват выхожу. Наверное, надо было ей все деньги отдать, и фамильные драгоценности в придачу? Нет-нет, так дело не пойдет...

Почему-то снова он подумал о том, что маленький мальчик и двуликая каким-то образом оказались на улице. Если у родителей Тиберика было в доме много книг, они не бедствовали, это точно. А так-то... Пятилетний малыш и двуликая, которую с ее-то печатью никто не возьмет на работу. Что ей оставалось? Только в дешевый бордель. Но она предпочла другой способ заработка.

Постоял-постоял, и пошел из дома. Его ждал экипаж, чтобы вернуться в Роутон. Настала пора нанести визит в отделение Святого Надзора.

На место своей службы он прибыл аккурат после обеда, когда дежурный зевал, похрустывая челюстью, а в коридорах Надзора было так тихо, что, казалось, муху будет слышно. При виде неожиданного посетителя дежурный недовольно нахмурился, а Мариус, в свою очередь, принялся с интересом его разглядывать. Совсем еще мальчишка, тощий, словно жердь, черный мундир с серыми кантами болтается как на вешалке. Дежурный тоже его рассматривал, и — надо же, — он не понимал, кто это явился в Надзор в черном же мундире, только с тройным золотистым шнуром на груди.

— Чего желаете? — наконец изволил спросить дежурный.

Мариус улыбнулся ему так, как до этого не улыбался Тиберику. Сладко и многообещающе.

— Мы желаем, — сказал он медленно, — чтобы нас сопроводили в кабинет приора Роутона, и чтобы через десять минут там же был заведующим архивом.

Белобрысы брови дежурного поползли на лоб.

— А вы кто вообще, фьер?.. Не ошиблись часом дверью? Может, вам в дом умалишенных?..

Но не договорил. Через мгновение его лицо встретилось со столешницей, еще раз, и

еще.

Расслышав хруст носа, Мариус отпустил недотепу и рывкнул:

– Встать. Как смеешь сидеть в присутствии приора? Почему не при оружии? Как вы тут, мать вашу, собираетесь Роутон защищать? Тарелками с кашей, а?

Хлюпая кровью, дежурный как-то очень быстро вывернулся из-за стола и метнулся в темень коридора. Мариус прислушался к суматошным звукам шагов, пожал плечами. Вероятно, прежний приор был человеком ленивым. Или очень слабым, распустил тут всех. Ну, ничего. Теперь у Роутона есть новый приор, и уж он-то устроит все правильно.

Через полчаса он уже сидел за письменным столом в собственном кабинете. И не беда, что по углам сидели откормленные пауки, а солнечный свет едва пробивался сквозь пыльные стекла. Важно, что лампа на столе ярко горела, а перед дверьми навывтяжку стояли пятеро, включая того самого парнишку с переломанным теперь носом.

– Так, – Мариус довольно потянулся, похрустел пальцами, – это все? Все, кто служит здесь Надзору?

– Ну да, приор, – вздохнул обладатель пивного брюха и багровой физиономии.

Мариус представил себе, как он будет отбиваться от тварей роя, и ему даже смеяться не захотелось. Скорее, плакать.

– Представьтесь, – бросил он в заплывшее лицо.

– Рейсон Кресс, ниат.

– Хорошо, – обвел прочих тяжелым взглядом, – надеюсь, уже никому не нужно объяснять, кто я такой, м?

– Нет, – дружно прошелестело в кабинете.

– Мне не нравится, что я тут вижу, – продолжил Мариус, – когда Магистр предложил мне это назначение, я принял его, потому что... все же Роутон – моя родина, и моя задача защитить его от крагхов. Но что я здесь вижу? Зажравшихся, заплывших жиром, немощных, никуда не годных... У кого-нибудь из вас есть ступень Стража?

Молчание.

Следовательно, стражей здесь не было.

– Приор Эймс был стражем, – кое-как прохлюпал парнишка.

– Это, я так понимаю, был единственный здесь страж, – холодно заключил Мариус, – и это в условиях, когда Пелена так близко к Роутону...

Он помолчал. Почему-то ожидал иного, когда ступал в портал до Роутона. Бравых защитников, посвящающих все свободное время тренировкам. И что застал? Кучку жалких, никуда не годных... стало горько и обидно. Почему Магистр не думает о городах на периферии земель Порядка? На кой столько стражей в столице, когда Пелена – по окраинам?

– Стражи-то все в столице, – прокряхтел Рейсон Кресс, словно читая его мысли, – а нам-то что... мы люди маленькие...

– Никто не будет смотреть на то, какие вы люди, если произойдет прорыв, – мрачно ответил Мариус, – впрочем, я буду думать, что с этим всем делать. А сейчас... Я хочу, чтобы мне принесли из архива дело семьи Ритц. Кто из вас заведует архивом?

– Так я ж и веду, ниат, – пробурчал Кресс, – сейчас, сейчас... все будет. Извольте подождать минутку.

– Я подожду три минуты. Через три минуты с вашим носом будет то же, что и с этим, – и кивнул в сторону бедолаги-дежурного. – А теперь все вон. Приведите себя в порядок. И приведите в порядок здание Святого Надзора.

Наверное, он произвел нужное впечатление на сотрудников, потому что тоненькая картонная папка лежала на столе ровно через три минуты.

– Так быстро? – Мариус только бровь приподнял.

– Так, приор, дел мало в Роутоне. Это последнее, сверху лежало, – почти заикаясь от страха, пробулькала Кресс и начал пятиться к двери.

– Идите, идите, – Мариус откинулся в кресле, – и позволю себе дать совет. Прекращайте заправляться пивом, Кресс. Твари роя любят потрошить таких вот, пузатых. Внутренности жирненькие, они их любят.

Кресс поперхнулся воздухом и ретировался так быстро, как мог. А Мариус остался один на один с папкой из желтого картона.

Он несколько запоздало пожалел о том, что не перекусил дома (но дома Марго почему-то разобиделась и обедать не позвала) и что не потребовал кофе в кабинет. Ерунда. Поужинает, как вернется. Сейчас интересовало дело семьи Ритц, и Мариус углубился в чтение.

Дело состояло из пары тонких листков, испещренных каллиграфически выведенными буквами. Пробежавшись глазами по сухим официальным фразам, Мариус понял две вещи: во-первых, Алайна Ритц была приемной в этой семье, во-вторых – семья была

далеко не бедной, занимались переплетом книг, и... все имущество волшебным образом испарилось, когда супруги Ритц отправились с детьми на пикник в сторону Пелены и там погибли. Их растерзанные тела потом были найдены на лужайке, рядом же была раскидана снедь, скатерть, салфеточки. И труп крагха. В тот самый миг, когда Тиберик отошел к ручью, на людей напал крагх, и тогда же в приемной Алайне всколыхнулось проклятие двуликости. Она не успела спасти приемных родителей, но чудом умудрилась выпотрошить крагха. Вернулась в Роутон с Тибериком, сама пришла в Надзор, "где ей была поставлена печать второго уровня, выполненная приором Роутона лично". А потом... дело закрыли. И ни слова о том, почему Тиберик, законный наследник, остался без имущества.

Мариус нервно кусал губу.

Происходило в Роутоне что-то неприятное, грязное.

Он встал из-за стола, выглянул в коридор и рявкнул во всю силу легких:

– Кресс. Кресс, а ну ко мне.

Дальше было еще интереснее.

Мариус постучал ногтями по картонной папке, глядя в узкие темные глаза заведующего архивом.

▲— Скажите-ка мне, Кресс, куда делось имущество приемных родителей Алайны Ритц?

– Она оказалась двуликой, – пропыхтел мужчина, – по закону она наследовала имущество родителей, и в то же время имущество двуликих отходит Святому Надзору.

– Да вы что? Не знал, не знал.

Знал, на самом деле, только вот... здесь иной случай.

– Это приор Эймс так говорил.

– Алайна Ритц не была единственной наследницей, ее младший брат мог наследовать родительский дом. Куда они делись потом, эти дети?

Кресс пожал плечами.

– Я не знаю, приор. Возможно, девка пошла работать в бордель. Помнится, ей печать вклеили на пол-рожи. Куда ей в таком виде? Только туда, где на лицо никто и смотреть не будет.

– А мальчик?

– А мальчик... возможно, умер. Дети, знаете ли, мрут как мухи.

Мариус скрипнул зубами и глянул на Кресса так зло, что тот съежился и качнулся всем телом назад.

– Имущество семьи Ритц действительно перешло Надзору? Отвечайте, Кресс. Только правду. И – все, что знаете.

– Приор все загреб. И потом дом перепродал кому-то, я не знаю, кому.

– Служитель Святого Надзора нагрел руки на этом деле, м?

Кресс пожал плечами.

– Да бросьте, приор... Можно подумать, столичные так не делают... Девка могла унаследовать все имущество, но она оказалась двуликой. Мальчишку списали со счетов.

Ну а имущество двуликих, всем известно...

– Пошел вон, – прошипел Мариус, – пошел вон, иначе я тебя сейчас по стене размажу.

Кресс дернулся, посмотрел обиженно.

– Да за что, приор? Можно подумать, это я руки нагрел...

– Это – Святой Надзор, придурок, – Мариус рывкнул во всю силу легких, – и если я хоть раз... еще услышу о подобном, все отправите на виселицу. Все, до единого.

Когда хлопнула дверь, Мариус уронил лицо в ладони. Роутон, его Роутон, оказался на

диво грязным местом. И покойный ныне приор вытворял здесь то, что совершенно не подобает служителю Надзора. Встреча с действительностью оказалась куда менее приятной, чем ожидал. Хорошо еще, что мальчишку привел домой, н-да.

♠ГЛАВА 2. Алайна Ритц

Ее, не церемонясь, снова швырнули на каменный пол. Алька не успела сгруппироваться, ударилась коленями и локтями, слезы так и брызнули.

– Посиди тут до вечера, – прозвучал сиплый голос, – да не нагадь. Мыть потом за тобой.

– Иди к крагхам, – огрызнулась устало, – помоешь.

Хорошо, что тюремщик уже запирает снаружи дверь, иначе наверняка бы захотел вернуться и объяснить неудачливой воровке, что стоит, а чего не стоит говорить.

Всхлипывая, Алька отползла в угол, привалилась спиной к стене и застыла, стиснув руками голову. Лоб и щеки пылали, треклятая печать Надзора по-прежнему ввинчивалась обжигающе-горячими корешками под череп, но уже не так, как в том доме. Там ей вообще казалось, что умирает, и нет спасения ни ей, ни братику. Впрочем, его и так не было.

"Чтоб тебя крагхи сожрали, – подумала с внезапной ненавистью Алька о том мужике, который так ловко ее стреножил и отволок к судье Бриссу.

Конечно же, при ее везучести, она попала в дом к стражу Надзора. То-то ее так и проняло. То-то он ее чуть не пришиб. Алька почти кожей ощущала исходящую от него ненависть, яркую, пламенеющую. А как он ей на шею наступил? Чуть не сломал, козлиная... ну и теперь... А что – теперь? Ей отрубят руки. Алька была готова поклясться, что это именно этот, Страж, позаботился о наказании. Обычно пойманным с поличным ворах высыпали розг. Если ловили повторно – то да, рубили руку. Но не две.

"Чтоб тебя крагхи сожрали", – повторила она шепотом и облизнула растрескавшиеся губы.

Ну это ж надо быть такой сволочью?

Тем более, что на момент поимки у Альки при себе не было ни одной краденой вещички.

Голова по-прежнему болела. Дергало горячо и надоедливо со стороны печати и дальше, за глазом, до затылка. Алька прислонилась больной стороной к холодным камням, надеясь, что полегчает. Надо было думать – причем быстро – как спасти Тиба. Она ведь обещала маме и папе, что будет заботиться, ежели что случится. И вот, случилось.

Наверное, сам небесный Пастырь вмешался, отправив Тиберика и Альку к ручью в тот солнечный осенний денек. И, верно, тот же пастырь позаботился о том, чтобы Тиберик увлеченно играл с пойманным лягушонком, пока Алька решила сходить за хлебом и ветчиной.

Увиденное отпечаталось в памяти, словно полотно безумного художника. Мама и папа лежали на траве, изломанные, страшно-бледные и одновременно вымазанные в земле и крови. Кровь была повсюду, на одежде, на траве, на смятой скатерти. Алька успела заглянуть в неподвижные глаза мамы и, казалось, медленно каменела и умирала сама. А потом откуда-то сверху, из древесной кроны вывалилось нечто. Он был похож на человека, очень похож. Только за спиной – огромные крылья, и вместо волос перья, и эти перья обрамляют перекошенное в ярости лицо. Глаза кровью налитые и совершенно безумные. В тот миг она даже не поняла, что существо было в одежде, видела только коричневые перья на предплечьях, слипшиеся от пролитой крови.

Существо смотрело на Альку, крылья подрагивали за спиной, и ветер шевелил перышки на голове. А потом тварь указала на Альку страшным когтистым пальцем и прохрипела:

– Ты. Идешь за мной. Пора возвращаться.

Она так и не поняла, что с ней случилось. Мир словно подернулся серой хмарью,

тело

странно изогнулось, хрустнуло внутри. Звук был такой, как будто кухарка тяжелым ножом рубила куриную тушку. Алька посмотрела на свои руки – сквозь бледную кожу просвечивал ряд ярко-синих перышек, по всему предплечью. А вместо аккуратно постриженных ногтей – жуткие черные когти, загнутые, острые, как у ястреба.

И тогда... заверещав, она вдруг прыгнула на убийцу родителей.

А он то ли не успел, то ли не смог защититься. Это было странно, он ведь был большим и сильным... А она его выпотрошила без особых усилий. Тогда хотелось убивать. Не важно, как... За маму и папу.

...Она сипло рассмеялась и посмотрела на свои руки. Бледные и худые, с обломанными ногтями. И кожа вот содрана на запястьях, браслеты наручников как будто специально с заусенцами.

Скоро, очень скоро у нее и таких рук не будет. И тогда останется просто умереть, потому что никому не нужна безрукая.

"Ты-то умрешь, да. Но как же Тиберик?"

Щеки вспыхнули с новой силой, стоило вспомнить, как она умоляла стража спасти мальчика. Да, надо признаться себе самой: в те мгновения она была готова вылизать гаду сапоги, да и вообще, сделать все что угодно, только бы он забрал Тиба и сдал в приют. В приюте хотя бы не дадут умереть с голоду. А так-то... Даже если маленький послушный Тиберик сможет выбраться из окна... Куда он пойдет? Кому нужен будет?

Алька поняла, что по щекам снова текут слезы. Подняв лицо к единственному окошку, она мысленно молила Пастыря, чтобы спас хотя бы малыша. С тем, что сама она скоро умрет, уже смирилась.

"Он ни за что не пойдет разыскивать Тиба, – мысль отдавала полынной горечью, – это страж. Сколько ни умоляй, хоть в лепешку расшибись – все без толку".

Перед мысленным взором, как по команде, возникло холодно-отрешенное, но очень злое при этом лицо мужчины. Сжатые в тонкую линию губы, нос с горбинкой, высокие скулы и взгляд черных глаз... странный, как будто направленный внутрь себя, как будто и не было Альки. Он не на нее смотрел, а на сполохи давних своих воспоминаний. Что там такого было? Она не знала, да и не очень хотела знать. Самое главное, что от такого пощады не дождешься.

И это означало, что сделать первые шаги по спасению Тиба должна она сама. Но как?

Никак. Она была совершенно беспомощна. Даже наручники так и не сняли.

Ее одолевала странная усталость, и холод, что шел от стены, почти не чувствовался.

Алька еще раз потрогала лоб – горячий. Или руки совершенно ледяные. Вздохнув, она прикрыла глаза. Пить хотелось. И есть. Но к голоду она привыкла, а вот жажда мучила.

Во рту как будто песка натрусили, и губы болят, потрескались от ее же воплей, когда страж применил магию Надзора.

"Мне нужно, чтобы кто-то забрал Тиба и отвел его в приют".

Кряхтя, Алька поднялась с трудом на ноги, доковыляла до двери, тяжелой, темной от времени, и что есть силы ударила в нее двумя руками.

– Эй. Откройте. Кто-нибудь.

Ответом была звенящая тишина. Звуки вообще умирали в тюрьме еще до того, как их кто-нибудь слышал. Все правильно, тюрьме не нужны свидетели...

Алька еще несколько минут побарабанила в безликую и равнодушную дверь, даже попыталась попинать ее ногами – все тщетно. Она снова заползла в свой угол, прижалась левой щекой, которая все еще пульсировала болью, к холодному камню.

"У приговоренных бывает последнее желание, – вяло вспомнила она, – остается только это".

Закрывает глаза. И незаметно сползла в тяжелую, не приносящую никакого отдыха, дрему.

♠Но там было хорошо. Можно положить голову на колени маме, вдыхать запах ландышевых духов и слушать, слушать. Ты растешь такой красавицей, Алечка. Знаешь,

мы с папой ни разу не пожалели, что оставили тебя у себя. Когда я нашла на пороге

сверток, я перепугалась жутко. Думала, что двуликие подбросили ребенка. А ты оказалась самой обычной, здоровой девочкой.

"Как же ты ошибалась, мама".

Алька вскинулась, когда загрохотал отпираемый замок. Тело как будто макнули в прорубь, от ужаса забыла, как дышать. Неужели... вот оно? Так рано? Ведь день в разгаре.

Она даже подняться не успела, как дверь лязгнула о стену, и в камеру ввалился тот

самый охранник, который и волок ее сюда. По перекошенной роже было видно, что

недоволен он происходящим, ой недоволен. Но почему? Что такого она сделала?

– Поднимайся, ты, – рявкнул злобно.

И, не дожидаясь ответной реакции, в два шага пересек разделявшее их пространство,
схватил Альку за шиворот и дернул вверх так, что внутри все екнуло.

– Давай, шевелись, шевелись.

И тут же, подлив в голос яда, добавил:

– Светлейший приор Надзора желает тебя видеть. Крагхи бы его побрали с его поучениями...

И в голове Альки наконец начала оформляться хоть какая-то мысль. Наверное, охранник так зол, потому что сейчас ему досталось от упомянутого приора. Но... Приор Эймс ведь умер, так говорили.

Чувствуя себя тряпочкой в крепкой руке, Алька кое-как успевала перебирать ногами, мимо мелькали небеленые стены, потом сообразила, что ее снова притащили к кабинету судьи Роутона. Дверь была красивой, новой, с золоченой табличкой, и контрастировала с серыми затертыми до сального блеска стенами. Тут охранник остановился, метнул на Альку раздраженный взгляд и очень деликатно постучался.

– Позвольте?

– Да, введите приговоренную, – глухо прозвучало в ответ.

Светлое полотнище двери мелькнуло перед взглядом, и Алька растерянно уставилась на судью Брисса, перевела взгляд на еще одного присутствующего и невольно съежилась. Хотелось стать маленькой-маленькой, с муравья, чтобы незаметно убраться куда подальше.

Страж, тот самый. Спокойно стоял у окна, повернувшись спиной к присутствующим и тем самым красноречиво давая понять о своем отношении ко всему происходящему.

Алька уставилась на его широкую спину, затянутую в черную ткань формы Надзора, и тут ее словно тряхнуло. Ей сказали, что приор желает ее видеть. Так что ж, выходит, она со своей везучестью умудрилась залезть именно в дом нового приора Надзора? Взгляд невольно пополз чуть выше – к коротко стриженному затылку. Под линией роста волос начинался толстый рваный шрам и уродливой многоножкой прятался куда-то под воротник.

В животе сделалось противно-щекотно, все как будто замерло, сжалось в тугой комок, и

Алька невольно попятилась – чтобы упереться спиной в охранника. Брисс окинул Альку

долгим сочувствующим взглядом.

– Вы уверены, что не измените решения, приор Эльдор? Несколько часов назад вы требовали, чтобы девушке отрубили обе руки вместо одной, теперь требуете права выкупа.

– Обстоятельства изменились.

♠Алька съехала еще сильнее. Точно, он ведь хотел лишить ее обеих рук. Да что ж за чудовище такое.

– По уложению эти пять лет она должна оставаться жива, – нерешительно напомнил Брисс.

– Хотите сказать, что будут проверки?

Альке в спокойном голосе почудилась усмешка.

Судья смутился и умолк.

– Не тяните время, Брисс, тем более, что надлежащую сумму я уже внес. Ошейник.

Алька затравленно уставилась на судью. Ноги подгибались от ужаса. Что они там еще придумают? Какой, к крагху, ошейник?

Судья вздохнул и совершенно внезапно улыбнулся. Едва заметно, уголком рта – но улыбнулся, и именно ей, Альке.

– По желанию приора Святого Надзора, фье Алайна Ритц, вы приговорены к рабству сроком на пять лет. Подойдите ближе, я должен одеть на вас Знак Повиновения.

Ее подтолкнули в спину, и Алька механически сделала несколько шагов вперед.

Судья

Брисс поднялся, обошел стол, и она наконец увидела в его руке тонкий ремешок из грубой кожи.

– Волосы приподними, – сухо сказал он.

Алька кое-как собрала их и завела вперед, в наручниках по-другому не получалось.

– Ты его снять не сможешь, – спокойно пояснил судья, – но пять лет – невелик срок.

Благодарите Пастыря, фье Ритц. И ниата приора тоже.

– Я не понимаю, – сипло шепнула она, – что... дальше будет?

Судья не успел ответить, за него ответил приор.

– Отсечение кистей рук заменяется рабством сроком на пять лет.

Холодея от ужаса, Алька взглянула в его сторону, случайно поймала взгляд и поторопилась опустить голову. Смотрел на нее приор так, как будто, не будь здесь судьи, уже давно бы свернул шею.

— У кого... рабство? — язык едва ворочался, а кровь словно ледяной водицей заменили.

— У меня, — коротко ответил приор и снова отвернулся.

Алька растерянно посмотрела на судью, но тот лишь пожал плечами. Мол, что я тут поделаю. Это же приор Святого Надзора.

Она и сама не знала, как хватило сил прошагать вслед за приором до выхода из здания тюрьмы. Перед глазами маячила широкая спина, взгляд Альки против ее воли цеплялся за белый шрам, похожий на жуткую многоножку, и ей все время казалось, что приор сейчас обернется и ударит ее — так, что лететь через весь коридор. Но он не обернулся и не ударил. Не говоря ни слова, растворил дверь и вышел наружу. Алька, ежась и ощупывая кожаный ремешок на шее, засемила следом, невольно замерла на высоком крыльце, рассматривая черный закрытый экипаж Святого Надзора.

Приор дернул плечом, сбегал по ступеням и нырнул в его темное нутро. Уже оттуда прозвучал едкий оклик:

— Тебе специальное приглашение нужно? Садись и поехали.

Злить его явно не стоило, и Алька, потирая свободные наконец запястья, юркнула внутрь и уселась в угол кожаного дивана. Приор постучал по стенке экипажа, и они поехали.

♣Воцарилось тяжелое молчание. Алька сжалась в комок, с тоской глядя на плотно задернутые занавески. Все еще не верилось, что все так изменилось, что ее руки останутся при ней, но... теперь ближайшие пять лет она будет принадлежать приору. Зачем она ему? Почему изменил решение?

И вдруг словно болезненная судорога пошла по телу.

— Тиберик, — вскрикнула она, — ох, Тиберик... Пожалуйста, умоляю вас, давайте заедем... Он же совсем маленький, он пропадет один.

Молчание. Лицо приора словно закаменело, и он как будто ее и не слышал, смотрел куда-то сквозь.

— Ниат... Вы благородный человек, пожалуйста, не отказывайте.

И, понимая, что еще немного — и они окажутся слишком далеко от Горчичного проулка, чтобы возвращаться, Алька скатилась с дивана на пол и бухнулась перед застывшим, словно изваяние, приором на колени.

Он, словно проснувшись, смерил ее тяжелым взглядом. В потемках глаза казались совершенно черными и злыми.

– Перестань. Не раздражай меня. И без того тошно.

– Вам же... ничего не стоит заехать... – промямлила Алька, окончательно теряясь.

С головокружительной скоростью она погружалась в вертящуюся воронку беспросветного отчаяния. Нет, он ни за что не согласится. Не послушает... Но что тогда остается?

– Ниат Эльдор, – прошептала она, ловя его взгляд, – умоляю...

Он молча пожал плечами и вздохнул, как будто Алька была не более чем надоедливой зверушкой. А она, вконец осознав, что от этого бесчувственного бревна не дождешься и толики сострадания, юркой змейкой извернулась, дернула ручку двери экипажа и на полном ходу вывалилась на дорогу. Подняться и рвануть в нужном направлении было сущей ерундой, Алька вскочила, озираясь, увидела проем между соседними домами и припустила туда.

– Стой, дура, – неслось из-за спины, но она не слушала.

Она доберется до Тиберика, чего бы это не стоило. Она обещала маме заботиться о нем, обещала...

Улица, ряд каменных домов внезапно крутнулись перед глазами, рассыпаясь осколками, затылок окатила жаркая волна боли. И как-то Алька поняла, что лежит на мостовой, опрокинувшись навзничь, и совершенно не может пошевелиться. Не было власти над телом, ее желания – отдельно, а руки-ноги – кучка мягких тряпочек. Высоко над головой в осенней синеве медленно плыло пышное облако, словно ком хлопковой ваты. Потом рядом появилась черная фигура.

– Ошейник, – невозмутимо пояснил приор, – ты не убежишь. А в следующий раз я тебя просто задушу, и плевать я хотел на судью Брисса и на дурацкие правила этого городишки. Вставай. Брата твоего я уже забрал.

– Так почему же... сразу не сказали, – мяукнула Алька. Получилось жалко, как у голодного котенка.

– Я не обязан отчитываться, – нахмурился приор, – тем более перед собственной, хм, рабыней.

Алька несмело шевельнулась. Чувствительность возвращалась. А вокруг уже собиралась толпа зевак, трепетали шепотки на ветру. Двулика, двулика. Если бы могла... срезала бы щеку к крагхам, только бы не светить этой чернильной гадостью.

Она села, сжала руками голову, затем снова посмотрела на приора и просипела:
▲— Тогда... позвольте мне зайти туда. Там осталась очень ценная для меня вещь.

Он приподнял бровь, гладкую, перечеркнутую старым шрамом. Когда-то кожу там рассекли, и было видно, что рану зашивали кое-как.

— Пожалуйста, — шепнула Алька, уже ни на что не надеясь.

— Хорошо, пойдем. — внезапно буркнул приор Эльдор, — только быстро. Здесь совсем недалеко.

И, не говоря больше ни слова, пошел вперед. Экипаж остался ждать. Алька торопливо поднялась и потрусила следом.

Выглядело все это, наверное, отвратительно. Все равно что собачонка за хозяином.

"Ну а что, и ошейник имеется", — она потрогала кожаный обруч.

Ее пошатывало, улица то и дело угрожающе кренилась то в одну сторону, то в другую, но Алька мужественно дошла до Горчичного проулка. Сердце екнуло, когда увидела разбитую дверь.

— Это правда? Правда, что вы забрали Тиберика? — оглянулась на замершего приора.

Он сложил руки на груди и уставился на нее так, словно хотел раздавить. Брови нахмурил, и оттого лицо обрело совершенно злое выражение.

— К чему мне лгать?

— О, Пастырь обязательно отблагодарит вас, — быстро прошептала она, делая шаг внутрь.

Схватила вазочку с окна, прижала ее к себе и уже смело повернулась к приору.

— И это все? — опять приподнятая бровь, — что такого в этой посудинке?

— Это... мамина, — Алька еще крепче сжала пальцы на керамическом горлышке, — все, что у меня осталось.

Приор резко отвернулся, но Альке показалось, что он пробормотал ругательство. Что-то вроде "проклятый сукин сын".

...Снова оказавшись в полумраке экипажа, Алька прижала к себе вазочку и закрыла глаза. Усталость давила, глаза слипались против воли. А по коже — едкий, словно кислота, взгляд приора. И это тяжелое молчание. Что ему, крагх побери, нужно? Почему выкупил? Почему забрал брата? В доброту приора Алька не верила, а значит, все это он проделывал с тайным умыслом. Знать бы еще с каким. За себя Алька не боялась. Даже

если он потащит ее в койку — ну и что, это всего лишь один мужчина. Не десятки и не сотни, как в борделе, один. Но вот что подтолкнуло его забрать к себе Тиба?

Не выдержав, Алька подняла голову, храбро встретила обжигающий взгляд и спросила:

— Зачем мы вам, ниат Эльдор?

Он долго и молча смотрел на нее — и куда-то сквозь, снова окунаясь в собственные воспоминания. Потом вздрогнул, словно опомнившись, и сухо проговорил:

— Вы с братом незаконно лишились имущества. Прежний приор Надзора счел возможным нарушение всех правил, и поэтому... это несколько умаляет твою вину. У тебя, в твоем положении, был выбор — либо в бордель, либо воровать... Ты выбрала второе, не слишком хороший выбор в отсутствие такового. Я терпеть не могу двуликих, но и совесть у меня есть, так что поживешь в моем доме. Будешь помогать Марго по хозяйству, будешь делать все, что она скажет. Брат твой пока поживет с нами, потом я устрою его в хорошую школу для мальчиков. А ты... пять лет спокойной жизни. Только на глаза мне не показывайся, прибью.

— Спасибо, — пошептала она, — вы действительно благородный человек, ниат, и я...
▲Она хотела сказать, что будет стараться, но он перебил:

— Не надо. Не надоедай мне. Нам с тобой говорить не о чем, вообще не о чем. И я рассчитываю на твоё благоразумие. Помни, что я имею полное право тебя наказывать. И если, упаси Пастырь, ты что-нибудь стащишь в моем доме, то клянусь, я сам поотрублю тебе руки. Поняла?

В сумраке экипажа его лицо было бледным пятном, и черты словно набросаны штрихами. Весь из ломаных, острых линий. Едкий. Совершенно безжалостный.

Алька вздохнула, сжимая в пальцах вазочку, и опустила голову. В самом деле, к чему злить чудовище?

— Поняла, — выдохнула чуть слышно, — поняла, приор Эльдор.

Остаток пути они проделали в полном молчании. Когда экипаж остановился, приор выбрался наружу первым, Алька осторожно высунулась следом. Прямо напротив возвышались кованые ворота. Ограда сжимала кольцом старый яблоневый сад, и, казалось, даже сюда доносился запах яблок. Из-за желтеющих крон была видна серебристая крыша особняка.

Она вдохнула полной грудью и поспешила за приором, который безмолвно шагал куда-то вбок от ворот. Ловко поддел и отшвырнул носком сапога гнилое яблоко, остановился уже у небольшой калитки, и там все же обернулся. Алька вдруг поняла, что глаза у него

вовсе не черные, как показалось поначалу, а карие, темные, с оттенком перспелой вишни. А еще она поняла, что на свету он вовсе не кажется старым и уродливым. Шрамы, да. Но не старый.

– Помни, что будет, если посмеешь воровать, – строго повторил он, глядя на Альку сверху вниз, и резко дернул калитку.

Потом они шли сквозь старый сад, и Алька – совершенно неуместно – думала о том, что все здесь дышит красотой в свете дня. Красотой и... одиночеством. Из зеленой травы выглядывали румяные бока спелых яблок, которые здесь не были никому нужны. Изредка пожелтевший листок срывался с ветки и, кружась, медленно летел вниз.

"Я все здесь приведу в порядок", – решила она про себя.

И отчего-то стало легче на душе, как будто принятое решение могло скрасить предстоящие пять лет рабства с непонятными перспективами.

Но когда раздался звонкий голосок – "Алечка" – силы внезапно покинули.

Тиб бежал к ней вприпрыжку, и, добежав, обхватил за пояс, прижался щекой к животу.

– Алечка-а-а-а.

Ноги подогнулись, и она рухнула на колени, прижимая к себе братика. Слезы брызнули из глаз, Алька судорожно перебирала его русые волосы, ощупывала всего, не веря, что вот он – живой и здоровый, и что теперь у них... все будет хорошо. Наверное, хорошо...

– Тиб, – прошептала она, целуя макушку, – слава Пастырю, ты здесь... А я уж думала...

– Пойдем к Марго, – сказал Тиберик, – ну пойдем, Алечка, пойдем.

– Да-да, конечно, – она всхлипнула.

И внезапно поняла, что – все. Она больше не может подняться на ноги. Перед глазами все поплыло, закружилось – яблони, дом, небо. И Алька, цепляясь за курточку Тиба, медленно сползла на траву. Тошнотворная муть накатила резко, вымывая все краски мира, и на несколько мгновений Алька вывалилась в вязкое ничто.

Казалось, темнота длилась мгновение, но уже в следующий миг, когда Алька приоткрыла глаза и удивилась слабости, холодным киселем разлившейся по телу, стало ясно, что она уже не в саду. Она пошевелила пальцами, ощутила трение кожи о новый колючий лен. Потом зрение прояснилось, и Алька поняла, что высоко над ней – давно не беленый потолок с темными балками, где-то сбоку светятся лайтеры, а сама она лежит, утонув в

мягкой перине.

Взгляд уперся в темный прямоугольник окна. Оно было чуть приоткрыто, и сквозь щель доносился шелест старых яблонь. А еще пахло свежей выпечкой и корицей. Тихо лежа, Алька обежала взглядом комнату: она была совершенно одна, на маленьком столике действительно стояла пузатая стеклянная банка с лайтерами – дорогая игрушка, доступная лишь самым состоятельным горожанам. Дверь, ведущая из комнаты, была плотно закрыта. И, возможно, заперта.

Алька вздохнула, попробовала сесть – и ей это удалось, правда, с третьей попытки. Тело казалось ватным и непослушным. Поднесла руки к глазам и ужаснулась – казалось, она похудела еще больше, сквозь тонкую белую кожу просвечивали синие вены.

Чуть позже пришло осознание того, что ее старая одежда – вернее, нищенские лохмотья – куда-то делась, что на ней – чистая сорочка, старая, стертая почти до сеточки, но чистая, приятно пахнет мылом. И на голое тело. Алька осторожно потрогала волосы и уже ничуть не удивилась, когда поняла, что их попросту остригли. Не на лысо, но довольно коротко, прядки вились, падали на лоб острыми птичьими перышками. Сколько же, провалились все к крагхам, она здесь провалялась? И кто переодевал ее, кто остриг, кто мыл все это время?

Пока раздумывала, о себе напомнил мочевой пузырь, и Алька, кряхтя, постанывая и хватаясь за изголовье кровати, поднялась. Комната тут же угрожающе качнулась, но Алька ожидала этого коварства, потому привалилась всем телом к деревянному изголовью, а потом, отдышавшись, заглянула все же под кровать и обнаружила там ночной горшок.

Как мало нужно для счастья, усмехалась она, по стеночке продвигаясь к двери.

Всего-то сохранить руки и вовремя найти горшок.

И еще найти кого-нибудь... Тиберика, например. Или – тут она вспомнила, что приор Эльдор упоминал Марго. Наверное, это была та самая старая ниата. Самого приора видеть сейчас не хотелось. У Альки он вызывал приливы иррационального страха. Кожей чувствовала, насколько сильна его ненависть к таким, как она. Казалось, одно неверное движение, и голову открутит. Она слишком хорошо помнила, как он наступил ей на шею...

Дверь оказалась не заперта, и Алька выбралась в коридор, темный и сырой. Как будто прибрались только в ее комнате, а на коридор то ли сил, то ли желания уже не было. Запах выпечки, свежих сдобных булок, стал густым, нагло щекотал обоняние, заставляя совершенно пустой желудок сжиматься в спазмах. Издалека доносились голоса,

мужской, низкий и хриплый, и женский – звонкий. Там никто не ждал ее, двуликую, но

Алька понимала, что все равно не сможет до бесконечности лежать в постели, а потому

шла и шла вперед... Пока не оказалась на пороге большой кухни.

Там было... хорошо, неописуемо хорошо. Алька уже и забыла за этот год, как может быть, когда есть дом, и есть семья. Нет, она пыталась сотворить подобие дома для Тиба,

но нищета – плохая мать для радости и уюта.

По углам кухни были расставлены чугунные подставки с большими стеклянными колбами, где было от души насыпано дорогуших лайтеров – так, что все помещение заливал мягкий золотистый свет. Старушка возилась у печки, мазала взбитым яйцом румяные пирожки на огромной сковородке. А за столом у окна сидели старый ниат и Тиберик. Тиб кусал огромную завитушку, присыпанную сахаром, и сам, разжумившийся, напоминал сдобную булочку. Алька только и успела, что поразиться

тому, как быстро Тиб снова наел щеки. Или... это она так долго провалялась в забытьи?

Как-то одновременно они уставились на нее. Затем старик, буркнув что-то, стыдливо

опустил взгляд, Тиб с радостным воплем бросился к ней, старушка отставила сковородку

и двинулась вперед, вытирая блестящие от жара руки передником.

Тиб с разбегу ткнулся лбом в живот и сбил с ног.

▲Алька натолкнулась спиной на дверной косяк и поняла, что сейчас плавно съедет на пол.

– Тиберик, – строго прикрикнула ниата, – ты что, не видишь, сестре плохо? Отойди же,

ну.

И, подойдя, осторожно придержала Альку под локоть.

– Милочка, что это вы подскочили. Вам еще полежать бы. Ну, ну, не плачьте. Раз уж

поднялись, идите за стол. Сейчас я вас подкормлю, а то ветром сдует.

Альку душили рыдания. Как стыдно-то. И она хотела обокрасть эту милую старушку, и

этого старика... А они... они, похоже, даже не держали на нее зла за это.

Она вцепилась слабыми пальцами в сухое, обтянутое морщинистой кожей запястье.

– Простите меня, ниата... простите.

– Да за что, милая? Давайте-ка, шажок. Еще шажок. Робин, помоги, что ли. Я одна ее не

удержу. И не называйте меня ниата, милочка. Я фье Лансон, для вас Марго, нянька ниата Эльдора. А это фьер Робин Лансон, мой муж...

Так Алька доковыляла до стола, ее аккуратно усадили на крепкий стул, и Марго поставила перед ней небольшую кружку с молоком. Тиберик вцепился в локоть, прижался щекой к плечу.

– Алечка...

– Да, милый, – пробормотала она, смаргивая слезы.

– Пейте, милочка, пейте. Вам есть много нельзя, так сказал ниат Эльдор. Если придете в себя... Желудок отвык от пищи.

– А сколько я...

– Да вот, скоро неделя как, – ответила Марго, – как хозяин вас в дом занес, так в себя и не приходили. Все метались в бреду, матушку звали.

Рука сама метнулась к горлу, нащупала ошейник.

– Занес? – растерянно спросила Алька, – но...

– Ну, мы-то старенькие, – проворчал Робин, – уж не тот я, чтоб девиц на руках таскать. Тут бы самого ноги носили.

– И вазочку вашу не потеряли, – добавила Марго, – я ее пока в гостиной на стол поставила.

Алька посмотрела на молоко. На брата, который взирал на нее с блаженной улыбкой. На добродушного старика, у которого седые бакенбарды воинственно торчали в стороны. На круглолицую старушку в накрахмаленном белом чепце. В груди сделалось колко и больно, а потом слезы снова покатались по щекам.

– Не плачьте, милая, все будет хорошо, – Марго подошла и погладила ее по плечу, – я вам волосы остригла, не обижайтесь. Новые отрастут, еще лучше будут. А те ваши было уже не расчесать и не промыть.

А в душе проклюнулся страх. Алька вдруг представила себе, что сейчас на кухню зайдет приор Надзора, и будет кричать и ругаться оттого, что его слуги так хорошо отнеслись к двуликой, которую и человеком-то нельзя назвать.

– А где... ниат Эльдор? – тихо спросила она, опустив глаза в чашку.

– Так ушел в столицу вчера, порталом, – проворчал Робин, – сам ушел, а нам сказал, мол, наймите еще слуг и приводите дом в порядок. Обещал вернуться и гостей звать. Он

же теперь приор Роутона, к нему всякие полезные люди будут хаживать.

"Ушел", – повторила про себя Алька, – "слава Пастырю, его здесь нет".

♣— Когда он вернется? – подняла взгляд на Марго, но старушка лишь плечами пожала.

– Не знаем, милая. У него всякие дела могут быть в столице, мы ж не спрашиваем.

– Я буду приводить дом в порядок, – решительно сказала Алька, – мне уже гораздо лучше, правда.

Ей очень хотелось хоть чем-то отблагодарить этих добрых стариков, а заодно и попытаться загладить собственный неблагоприятный поступок, когда вошла в дом.

– Я тоже буду помогать, – пискнул Тиб, – я вон сколько яблок уже собрал в саду. Во-от такую гору.

– Конечно, будешь, – прошептала Алька.

А сама подумала о том, что Эльдор поднимал ее на руки. В это было невозможно поверить – она бы скорее не удивилась, если бы он катил ее бесчувственное тело к порогу, подталкивая носками сапог. Надо же, в дом принес на руках. Ну кто бы мог подумать.

♣ГЛАВА 3. Эрифрейский архивариус

Конечно, было огромной, просто непомерно огромной глупостью приводить в свой дом двуликую. О том, какая это ошибка, Мариус очень хорошо прочувствовал уже в тот момент, когда девка грохнулась в обморок прямо посреди дорожки, не дойдя до дома каких-нибудь пару десятков шагов. Закралось сомнение, что она специально это сделала, чтобы его позлить. Показалось даже, что притворяется. Но оборванка лежала неподвижно и совершенно безжизненно, Тиберик как-то осуждающе смотрел своими голубыми глазами-озерами, в которых таяли слезы, а Марго, которая вышла из дома, раскудаhtалась хуже несущки. Потом подошел Робин, и Мариус кивнул на девуку.

– Надо бы в дом занести.

Лицо Робина вытянулось, а бакенбарды встопорщились, как шерсть на загривке у перепуганного кота.

– Ниат Эльдор... да как же... я не донесу, старый уж. Не донесу.

Мариус поморщился, под совершенно ледяным взглядом Марго пошевелил простертое тело носком сапога. Девка по-прежнему была без чувств. Подумал еще несколько минут.

Можно было ее тут и оставить, как-нибудь придет в себя, поползет до дома. А у него

дела, местное отделение Надзора, оболтусы, которые возомнили себя стражами. Но Тиберик уж совсем жалко захлюпал носом, а Марго кидала такие взгляды, от которых кто-нибудь другой уже бы провалился со стыда сквозь землю. Поэтому Мариус, скрипнув

зубами, подхватил под мышки двуликую, перебросил через плечо и понес в дом. Она оказалась совсем легкой, почти невесомой, а вот запах от нее шел... ну, какой

запах от нищенствующей особы. Ему не хотелось ее касаться, казалось, что проклятье

Двуликости липнет к пальцам, растекается вязкой жижей по венам. Хотя знал ведь, что

проклятье не передается вот так. Просто... не объяснить словами, что вообще можно чувствовать, неся на плече одну из тех, кого убивал всю жизнь.

Потом, когда девушку уложили на кровать, и Марго осталась кудхтат над ней, Мариус

пошел и долго мыл руки с мылом, а на пальцах все равно осталось неприятное, липкое и

какое-то стыдное ощущение от прикосновения к легкому птичьему телу чудовища.

— Помой ее, что ли, — сказал он потом Марго, — чтоб в моем доме не воняло.

Что-нибудь

из белья ей дай, потом еще купим.

Старушка окинула его взглядом, в котором плескалось непонятное вопрошающее выражение. Но вопрос так и не прозвучал, и Мариус так и не понял, что ж хотела спросить старая нянька.

А потом началось. Вернее, у девушки началась нервная горячка. Она металась в бреду и

жару, вопила во всю силу легких, умоляла вернуть ей руки и звала мать. Мариус был

готов бежать из дома куда угодно, лишь бы все это не слушать. И он бежал — то в роутонское отделение Надзора, пропесочивать подчиненных, то вечером — в сад, собирать упавшие яблоки в большие корзины, что были так похожи на растрепанные вороньи гнезда. Потом ему стал помогать Тиберик, при этом заглядывая в глаза и спрашивая — ведь Алечку не заберет Пастырь, нет?

Мариус уже не знал, что и ответить. Иногда ему казалось, что если тот самый Пастырь

ее все же приберет, то так оно и будет лучше. Для всех лучше.

Всего один раз он заглянул в комнату, где лежала двулика. Как выяснилось, Марго ее

остригла под мальчика, умудрилась переодеть в старую сорочку и, наверное, даже помыла. По крайней мере, в комнате не воняло старым тряпьем, а пахло уксусом, шалфеем и ромашкой. Мариус посмотрел на печать Надзора на щеке двуликой, побагровевшую, как будто набрякшую кровью. Вторая суть, суть крагха, рвалась наружу,

и это было видно — под бледной кожей что-то плескалось синими волнами, как будто ряды блестящих ультрамариновых перышек. А он снова вспомнил, как сидел, маленький,

под столом, а совсем близко, где-то над головой, что-то хрустело и страшно чавкало, и

крупные бордовые капли плюхались на пол... Вспомнил — и неосознанно вытер руки о штаны, потому что память о прикосновениях все еще жила в пальцах.

Наконец все опротивело настолько, что Мариус, раздав указания подчиненным, провернул рычажок портального артефакта — и через несколько мгновений вывалился на центральной площади Эрифреи, благословенной Пастырем и надзором столицы земель Порядка.

Вздыхнул с облегчением. Наконец-то никто не орал, не требовал обратно отрубленные руки. И никаких осуждающих взглядов старой няньки. Свобода, поberi ее крагх.

Вечерняя Эрифрея была прекрасна и маняща, как первая ночь с желанной женщиной. В нежных сиреневых сумерках белизной сверкали пики храмов, золотилась в свете фонарей Королевская Опера, сновали деловито роскошные экипажи, и оттуда на парадный подъезд сходили шикарные женщины в светлых платьях, похожие на воздушные пирожные, и строгие мужчины в дорогих костюмах. За высокой ажурной оградой зеленели малахитовой отделкой стены королевского дворца. А по бульвару, уходящему от главной площади Эрифреи, влажно шелестела опадающая с платанов листва, прогуливались горожане, и вдоль мостовой выстроились богатые каменные дома, в роскошной лепнине, в окружении тщательно возделанных клумб.

Эрифрея – отличное место, чтобы забыться.

Пелена – далеко, на периферии. Здесь Око Порядка сильнее всего, а, значит, вероятность появления роя – почти нулевая. Прекрасные выдержанные вина, хорошенькие, еще не утратившие свежести, доступные женщины. Именно за этим приехал сюда страж Мариус Эльдор. Забыться и забыть Ровену.

– Забвение – не лучший выход, – сказал тогда Магистр, – но если хочешь, можешь несколько лет пожить в столице. Хотя пользы от тебя на границах куда больше. Редко когда удастся получить настолько одаренного стража.

Мариус тогда промолчал. Да и ни за что не признался бы магистру в том, что именно измены Ровены так его подломили. Пока он разъезжал в дозоре – как и полагалось стражу Святого Надзора – его жена предавалась прекрасной страсти с сыном роутонского мануфактурщика. А когда Мариус, вернувшись пораньше, застукал парочку, выкрикнула в лицо – мол, этот мужчина хотя бы смог меня обеспечить. А ты – нет. Да и вообще, надоело жить в этом сарае.

...А еще Мариус не сказал магистру о том, что никогда не просил делать его стражем, не просил уродовать саму его сущность ради того, чтобы влить в кровь магию. Поскольку магические войны унесли то, что порождает энергетические потоки, оставался только один способ сделать из человека мага: накачать его вытяжкой из Пелены. Так себе удовольствие.

Неторопливо шагая по бульвару и отдаваясь приятной горечи воспоминаний, Мариус добрался до угла, образованного улицами Святого Петерсона и Первого Пояса. Кивнул хорошо знакомой старой липе, что печально роняла крупные, с ладонь, листья, и также неторопливо двинулся дальше. До столь же хорошо знакомого дома оставалось совсем недолго, взгляд уже выхватывал их густых сумерек облицованную красным гранитом

колонну, влажный блик на ней от лайтеров в ажурной корзинке.

Потом Мариус поднялся по ступеням и решительно подергал шнур звонка. Несколько минут ничего не происходило, затем высокие, украшенные деревянными завитками двери распахнулись.

– Ниат Эльдор, – дворецкий здесь был отлично вышколен, а потому ничем не выдал удивления, – ниат Фредерик у себя. Сейчас доложу. Проходите.

Мариус шагнул через порог, и оказался в привычной и приятной обстановке. Коричневый паркет под ногами, стены в шелковых обоях с золотым тиснением, портреты многочисленной родни Фредерика. Он прошелся туда-сюда, с удовольствием вслушиваясь в легкий скрип дерева под ногами. В этом доме всегда было чисто, уютно и приятно. Сюда вообще приятно было заходить в гости.

– А. Мариус. Дружище, – со стороны лестницы раздался вопль хозяина дома, – крагхи тебя дери, а я-то думал, что ты уже и не появишься в Эрифрее. Засел в роутонском болоте – и все, с концами.

▲Фредерик Артемис Лайр спускался, скользя пальцами по полированному перилу, а долгополый халат, небрежно наброшенный, волочился по ступеням, словно королевский шлейф. Светлые волосы рассыпались по плечам, глаза блестят, на тонких губах искренняя улыбка. И тут Мариус поймал себя на том, что не знает, что сказать другу.

Мол, пусти меня пожить к себе? Не могу у себя, потому что там двулика, которую я купил? Глупо как-то звучит, несолидно.

– Я тут подумал, – нерешительно начал он, – приютишь меня на несколько дней?

– Хоть на месяц, – аристократическое лицо Фредерика словно осветилось изнутри, – хоть на год. Будет кому мне книги на стол таскать из архива.

А потом, уже спустившись, тихо спросил:

– Случилось чего?

Мариус только рукой махнул.

– Потом расскажу.

– Фьер Гассет, прикажите ужин подавать, – Фредерик поискал глазами дворецкого, – давайте, давайте, пусть там пошевеливаются на кухне. Я еще не ужинал, да и мой друг... ты ведь не ужинал, а?

– Не ужинал, – сказал Мариус.

И позволил тащить себя в гостиную, туда, где нежно-голубые обои в мелкий цветочек, ореховая мебель и образцы старинных гобеленов, в ткань которых еще была вплетена

магия. До последней войны, до того, как мир разделила Пелена.

После третьего бокала арвейгерского десятилетней выдержки он рассказал. Фредерик, с удовольствием глядя сквозь полный бокал на сосуд с лайтерами, лишь улыбнулся.

— И это все?

Мариус даже почувствовал легкую зависть. Ему-то хорошо. Сидит себе, заведует Эрифрейским архивом, никаких двуликих девок, никаких чужих детей, состояние такое, что вообще непонятно, как оказался в Надзоре. Вернее, понятно. Отец пристроил. Место архивариуса — теплое, хлебное и совершенно безопасное.

— А что, мало? — осторожно спросил он.

— Друг мой, — Фредерик со стуком опустил на стол недопитый бокал, — я не вижу во всем этом ровным счетом ни одной проблемы. Ну, подумаешь, мальчик. Пусть тебе толком от родителей ничего не додostalось, но с жалованьем приора ты можешь устроить его в лучшую частную школу, человеком оттуда выйдет. Ну, подумаешь, девица...

— Двуликая.

— Да хоть трехликая. С руками, это ты, конечно, перегнул. А так-то что? Печать Надзора на ней. Пусть живет, помогает твоей Марго по хозяйству. А там, по истечении пяти лет, быть может, выдашь ее замуж — и забудешь все это, как забавное приключение. Проблемы, говоришь... Это у меня, Мариус, проблемы начинают появляться, да еще какие.

Мариус неспешно прихлебывал вино. Какие у Фредерика могут быть проблемы? Беременность какой-нибудь певички? Или промотал папенькино состояние?

Внезапно Фредерик поднялся, пересел ближе, грохоча стулом по паркету, и хриплым шепотом спросил:

— Мариус, вот скажи, насколько ты близок с магистром?

Мариус прищурился. Нет, друг не выглядел слишком пьяным. И сумасшедшим тоже вроде не выглядел.

— Я вообще с мужчинами не близок, если ты об этом, — процедил Мариус.

♣— В смысле, духовно близок. Насколько магистр тебе доверяет. Насколько пускает в свои мысли.

— Да вообще не пускает, — Мариус позволил себе расслабленно выдохнуть, — кого он когда пускал?

— А Око Порядка ты видел?

– Око? Хм, нет, – Мариус покачал головой, – ты же знаешь, что оно настолько ценно, что магистр никого к нему не пускает...

– То-то и оно, – Фредерик нахмурился, – вот послушай. Ты мой друг, Мариус, я тебе доверяю. Ты же не пойдешь на меня доносить, а?

– Зачем мне это.

Фредерик сжал тонкие губы, откинулся на спинку стула и задумался. Потом окинул Мариуса внимательным взглядом, казалось, в его чистых голубых глазах на миг сталисто блеснуло сомнение. Блеснуло – и пропало, как рыба в глубине пруда.

– Нам всегда говорили, что последняя магическая война, которая собственно положила конец магии в нашем мире, всколыхнула нижние слои астрала, и как результат оттуда пришли крагхи. Ну и волной этого нижнего слоя зацепило нас, отсюда проклятье двуликости. Так?

– Все так, – Мариус кивнул.

– Ну да. И Око Порядка защитило нас, поставив перед крагхами Пелену, сквозь которую они время от времени проходят, но не слишком часто, потому что для этого нужен большой объем той самой астральной энергии, верно?

Мариус молча кивнул. Он никогда не думал над подобными вещами, они казались просто данностью. К чему думать над тем, чего не можешь изменить?

– Вроде как Око порядка подпитывается на энергии опечатанных двуликих, – тем временем пробормотал Фредерик, – и вместе с тем их большое скопление может вызвать разрыв Пелены и то самое явление, которое мы называем роем. Так?

– И это верно.

– У меня, как у архивариуса, много времени, – глухо сказал Фредерик, – я тут провел небольшое исследование. Нам говорят, что проклятье Двуликости может коснуться любого, но это не так. Не совсем любого. Помнишь, с чего начались Магические войны? Ну да, да. Те самые, Максимус и Риверрон. Поругались на Совете. И у одного, и у второго были сторонники. Потом нам говорили, что вроде как после того, как всколыхнулся астрал, эти двое примирились в борьбе с общим злом, и Риверрон погиб, создавая Око Порядка, да? А я вот нашел некоторые источники, где говорится иное. Они не примирились. Они дрались так, что мир содрогался. Ну и, в общем, потом откуда-то появилось Око Порядка, внезапно так. И Пелена. Остался Максимус, Риверрон исчез в неизвестном направлении, но – прошу заметить – вместе со своей армией. Никого в

пределах земель Порядка не осталось. Никого, Мариус. Ну и вот... подытоживая свое сумбурное несколько выступление, повторю: я провел исследование. По регистрации двуликих проклятие коснулось только потомков тех, кто ушел вместе с Риверроном. Тех, кто не остался в землях Порядка.

Мариус почувствовал неприятное щекотание под ложечкой. Нехорошее ощущение. Оно время от времени посещало его — как раз перед тем, как происходило что-то плохое.

— То есть ты нашел противоречия в выкладках, — осторожно уточнил он, — кому-нибудь говорил об этом?

— Только тебе, — Фредерик жалко улыбнулся, — сам понимаешь, Магистр будет не в восторге.

— А еще что есть? — если идти, то до конца.

♣— Мы ничего не знаем ни о двуликих, ни о мире за Пеленой. Такое ощущение, что Магистр прикладывает все усилия, чтобы никто никогда и не узнал.

— погоди, о двуликих мы все знаем, — решительно начал Мариус и... осекся.

Что — все?

Да ни крагха никто не знает. И вот это, что только что рассказал Фредерик — двуликие

— потомки тех, кто, возможно, остался за Пеленой? Тех, кто ушел с Риверроном?

— Скопление двуликих провоцирует прорыв, — прошептал архивариус, — а ты никогда не думал, что кровь притягивает кровь? Что крагхи — тоже потомки тех, что ушли с Риверроном? И что все, что мы имеем — не более, чем продолжение той войны? И что обе стороны просто готовятся к решающему сражению? Тогда ведь... мало кто уцелеет.

— Лучше бы ты романы читал, — процедил Мариус, — приключения там, чувства...

Фредерик пожал плечами.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://www.litres.ru/oliviya-shtern/strazh-ee-serdca/>